

УДК 94 (470.6)

UDC 94 (470.6)

07.00.00 Исторические науки

Historical sciences

**ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНАЯ И
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Е.А.
ГОЛОВИНА В ЗАКАВКАЗЬЕ**

**MILITARY-ADMINISTRATIVE AND
POLITICAL ACTIVITIES OF E.A. GOLOVIN IN
TRANSCAUCASIA**

Кондусов Владимир Сергеевич
аспирант

Kondusov Vladimir Sergeyeovich
postgraduate student

vladimir.kondusov@mail.ru

vladimir.kondusov@mail.ru

*ЧОУ ВПО «Институт международного права,
экономики, гуманитарных наук и управления имени
К.В. Россинского», Краснодар, Россия*

*«Institute of International Law, Economics,
Management and Humanities named after
K.V.Rossinsky», Krasnodar, Russia*

Статья посвящена военно-административной деятельности в Закавказье в 1838–1842 гг. одного из царских наместников – Евгения Александровича Головина. Автор приходит к выводу, что будучи русским патриотом и стремясь поначалу сделать Кавказ российским по духу и правовым институтом, Головин постепенно познавал местные особенности, и в конце своего управления регионом старался совместить метропольные традиции с окраинными. Его преобразования были оценены после того, как Евгений Александрович покинул Закавказье. В Тифлисе, например, на пустырях стали строиться большие на Европейский лад постройки, соорудили мостовые, тротуары, бассейны с чистой горной водой. Тифлис с оригинальной смесью Востока и Запада, стал одним из любопытнейших и обширнейших городов России. Генерал Головин, как истинно Русский сановник, любил жить по-барски, открыто, хлебосольно, в его доме собиралось всё лучшее здешнее общество и все принимались с тем радушием и приветливостью, которые невольно возбуждали во всех признательность и оставили по себе благодарное воспоминание»

The article is devoted to the military and administrative activities in the Caucasus in 1838–1842 y. one of the Royal Governors-Evgeniy Aleksandrovich Golovin. The author concludes that as a Russian Patriot and aiming initially to make the Caucasus the Russian spirit and legal institutions, Golovin began gradually local features, and at the end of his Administration Region tried to combine central traditions with peripheral. His transformations were appraised only after Evgeniy Aleksandrovich had left Transcaucasia. For instance, in Tiflis they started building more European-style constructions on wastelands, erected causeways, pavements and pools with clean mountain water. With its extraordinary combination of the East and the West Tiflis turned into one of the most interesting and largest cities of Russia. As a truly Russian nobleman, General Golovin liked living luxuriously, openly and hospitably. The best representatives of the local society were welcomed in his house in a warm-hearted and friendly manner, which caused an unconscious sensation of gratitude and left a favourable impression. Preliminary analysis of activity of E.A. Golovin in Transcaucasia gives no grounds for assessments which are extremely negative or idealise the Chief Executive. Yet E.A. Golovin managed to be remembered as a reformer and facilitator of Transcaucasia whose numerous initiatives were developed by his successors: M. S. Vorontsov, A. I. Baryatinskiy, Grand Duke Mikhail Nikolaevich and others

Предварительный анализ деятельности Е.А.

Головина в Закавказье не даёт повода для крайних негативных или идеализирующих Главноуправляющего оценок. Но, Е.А. Головину удалось оставить о себе память в Закавказье как о реформаторе, устроителе края, многие начиная которого были продолжены его наследниками – М.С. Воронцовым, А.И. Бяратинским, Великим князем Михаилом Николаевичем и др.

Ключевые слова: ЗАКАВКАЗСКИЙ КРАЙ, Е.А. ГОЛОВИН, ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНАЯ СИСТЕМА, РЕФОРМЫ, СУДЕБНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ, ИНТЕГРАЦИЯ

Keywords: ZAKAVKAZKIY KRAY, E.A. GOLOVIN, MILITARY ADMINISTRATIVE SYSTEM REFORM, JUDICIAL INSTITUTIONS, INTEGRATION

Процесс интеграции Кавказа с Россией носил мирные и силовые формы, результатом которых было включение полиэтничной и

поликонфессиональной окраины в общую систему российской государственности. Исторический опыт адаптации новых подданных к условиям жизни в пределах единого государственного пространства важно учитывать при осуществлении современной этнокультурной и социальной политики в регионах. В данной работе предпринята попытка характеристики опыта, связанного с российским управлением в Закавказье в годы управления краем генерала Е.А. Головина в 1838–1842 гг.

Генерал Е.А. Головин прибыл в Тифлис, когда происходил поворот в политике русского правительства в Закавказье. После вхождения закавказских провинций в результате русско-иранских и русско-турецких войн первой трети XIX в. в состав империи становилось очевидным несоответствие введенного в крае разнообразия систем управления новым политическим и экономическим установкам [1]. В 1837 г. обсуждался проект об устройстве Закавказского края, разработанный членом Государственного совета сенатором П.В. Ганом. Проект предусматривал полную унификацию системы управления в Закавказье с внутрироссийской, русификацию края без учёта этнографических, культурных и социально-экономических особенностей Закавказья, своеобразия в управлении и законодательно-правовой сфере. Вмешательство предшественника Е.А. Головина на посту главы кавказской администрации барона Г.В. Розена сильно затянуло окончательное оформление этого проекта. Успевший познакомиться с местными особенностями, Г.В. Розен выступал против поспешной и радикальной ломки сложившейся системы управления. На все предложения комиссии П.В. Гана о скорейшей унификации с имперской системой управления, барон предлагал «сообразоваться с местными обстоятельствами и понятиями жителей» [2].

Г.В. Розен, в частности, настаивал на сохранении местных судов, основанных на обычном праве [3]. Однако П.В. Ган, доложивший

императору о беспорядках и злоупотреблениях на Кавказе, по сути, способствовал увольнению Г.В. Розена с должности. Препятствие к реализации проекта было устранено, а вновь назначенного Главноуправляющего Кавказским краем П.В. Ган в расчёт не брал. Е.А. Головина амбициозный сенатор считал малоопытным и не уверенным в себе администратором, не представлявшим угрозы проекту об устройстве Закавказского края. Когда проект был передан на заключение Е.А. Головину, новый Главноуправляющий Кавказским краем не представил никаких возражений [4].

Осыпанный наградами П.В. Ган торжествовал победу, но Комитет по устройству Закавказского края не торопился с реализацией его проекта. Только в конце 1839 г., воспользовавшись приездом Е.А. Головина в столицу, Комитет возвратил проект П.В. Гану, предложив переделать его совместно с Главноуправляющим Кавказским краем. При этом, с подачи графа П.Д. Кисилёва, Е.Д. Головину и П.В. Гану предлагалось учесть следующие пожелания:

1. Дать территориям с мусульманским населением управление, «сходное с существующим» и «применяясь к действительным нуждам и понятиям жителей».

2. Не торопиться распространять на эти провинции действия имперского законодательства, «предоставив жителям в делах тяжёбных разбираться у полицейских властей или в словесных народных судах по своим законам и обычаям».

3. В местностях с христианским населением «допустить в делах тяжёбных применение грузинских законов и обычаев в пределах крайне необходимых и точно очерченных» [5].

Однако П.В. Ган и Е.А. Головин настаивали на том, что «неудовольствие вызывают не русские законы, а смешение их с

грузинским правом и местными обычаями» [6]. В итоге проект 10 апреля 1840 г. стал законом.

Реформа 1840 г. существенным образом меняла далёкую от совершенства административно-политическую систему Закавказья. Закавказский край был разделен на две части: «одну губернию, под наименованием Грузино-Имеретинской, и одну область, под наименованием Каспийской» [7]. Грузино-Имеретинская губерния, в которую помимо территорий Восточной Грузии была включена часть азербайджанских и армянских земель с центром в Тифлисе, состояла из 8 уездов и 3 округов. Каспийская область, куда вошла большая часть территории Северного Азербайджана, с центром в г. Шемахе, включала 7 уездов. За Главноуправляющим, назначаемым и увольняемым императором, сохранялось верховное управление Закавказским краем с правами генерал-губернатора внутренних губерний. «Главный Начальник всего Закавказского края, – говорилось в Учреждении, – есть Главноуправляющий, заведывающий всеми гражданскими и пограничными делами. Вместе с тем, он есть Председатель Совета Главного Управления и Командир Отдельного Кавказского корпуса» [8]. «По отдаленности и особым обстоятельствам Закавказского края» Главноуправляющий мог отменять «постановления губернских правительствующих мест, на основании общих законов состоявшиеся, и распоряжения свои приводить в исполнение, под личную за все последствия ответственностию, с тем, чтобы о каждом таковом по распорядительной части отступления от общих постановлений или законов, он, Главноуправляющий, непременно доносил Правительствующему Сенату и уведомлял Министров по принадлежности, с изложением причин, побудивших его прибегнуть к таковой мере» [9].

Е.А. Головин и П.В. Ган покончили с прежними стремлениями русских властей увязывать российское законодательство с местными

правовыми институтами. Никаких грузинских и мусульманских законов Учреждение не признавало. Лишь для бракоразводных и семейных дел оставались шариатские суды. В § 251 Учреждения отмечалось: «Жителям, исповедывающим Магометанскую религию, предоставляется право во всех между ними спорах и тяжбах и в делах семейных по разделу имений, по несогласию родителей с детьми и между супругами, искать удовлетворения и разбираться в духовном суде Шаро или Шариат» [10]. Порядок судопроизводства в Закавказском крае определялся «общими правилами, для судебных дел установленными, с некоторыми лишь изъятиями для сокращения форм и обрядов» [11]. Магальные наибы, диванные беки и другие представители местных привилегированных сословий, которых ранее привлекали в качестве экспертов и помощников, были заменены русскими чиновниками. Вместо магальных наибов вводилась должность участкового заседателя, вместо провинциального комманданта – уездные начальники.

Во всеподданнейшем отчёте от 2 апреля 1841 г. генерала Е.А. Головина и сенатора П.В. Гана о преобразовании Закавказского края говорилось, что до 1 июля 1840 г. «все части, вошедшие в состав Грузино-Имеретинской губернии и Каспийской области» в плане земских повинностей» руководствовались своими частными правилами». Такое разнообразие «естественно порождало беспорядки». В Тифлисе и в Шемахе были открыты Комитеты земских повинностей, которые после тщательного изучения системы налогообложения унифицировали сборы: «Объявления о количестве земского сбора, следующего с каждого жителя, Комитетом во все селения разосланы и прибиты на стенах церквей, мечетей или домов почётных жителей. Эта мера есть лучшее средство против злоупотреблений, ибо каждый обыватель узнает следующую с него плату и потому может судить о незаконности излишнего требования» [12].

В 1840 г. Е.А. Головину «в воздаяние долговременной, ревностной и полезной службы, ознаменованной неусыпными трудами по званию главноуправляющего за-Кавказским краем и непосредственным участием в составлении проекта нового учреждения для управления за-Кавказских наших владений» были пожалованы алмазные знаки Александра Невского. В 1841 г. он за введение этого учреждения был награждён орденом Владимира 1-й ст. [13]. Однако местное население поначалу бойкотировало новые порядки, и прежде всего в области судопроизводства. Выдающийся государственный деятель николаевской эпохи барон М.А. Корф, на глазах которого разворачивалась история с оформлением нового Учреждения об управлении Закавказьем, отметил в своих записках: «Многое на деле оказалось несоответствующим местным нуждам, даже невозможным в исполнении, другое, противное нравам и навыкам жителей возбудило ропот, недоразумения, вящие неурюстройства; партия приверженцев старого порядка полагала всемерные преграды введению нового, частью из личных видов; определённые после преобразования чиновники выказались, по большей мере, или неспособными, или безнравственными; народу, лишённому прежней азиатской расправы, окутанному неизвестными ему формами, подверженному новым притеснениям, стало ещё хуже и тяжелее, чем когда-либо; наконец, Головин, нерешительный, слабый, игралище партий, вместо решительного рассекателя Гордиевых узлов являлся везде или орудием чужих страстей, или бездейственным зрителем» [14].

В этой характеристике обращает на себя внимание явная несправедливость автора воспоминаний. Известно, что М.А. Корф был далеко не беспристрастен в описании государственных деятелей эпохи Николая I [15]. Чувствуется личная неприязнь, когда М.А. Корф перечисляет Е.А. Головина в ряде корпусных командиров как людей посредственных, «или ещё ниже посредственности как в мирное так и в

военное время» [16]: здесь он явно несправедлив. Если бы Головин был посредственностью, слабым и нерешительным военачальником и администратором, его бы не назначили на знаковую должность командира Отдельного Кавказского корпуса, он не мог бы усмирить восстание в Самурзаканском округе, не выдержал бы ожесточённого сражения при Аджиахуре, не разгромил Шамиля на Хубарских высотах. По поводу подобных же обвинений в «посредственности» Е.А. Головина на должности генерал-губернатора в Прибалтике граф Д.Н. Толстой писал в 1872 г.: «Не могу также согласиться с тем, чтобы Головин не обладал качествами государственного деятеля; вся Рижская его служба обличает в нём человека с верными широкими воззрениями, а план задуманных им реформ отличается самую здоровую внутреннюю политику» [17].

Тем не менее, во многом на основании свидетельств М.А. Корфа в дореволюционной историографии сложилось мнение, что реформа административно-политической системы в Закавказье 1840 г. полностью провалилась. Кавказовед Е.Г. Вейденбаум называл её «печальной памяти реформа» [18], а В.Н. Иваненко отметил: «Не прошло и четырех лет, как архитектурное здание гражданского управления, воздвигнутое Ганом без всякого внимания к местным условиям, превратилась в груду развалин» [19]. Нам представляется, что реформу Гана и Головина следует рассматривать в свете концепции догоняющей модернизации: болезненная, как и многие подобные преобразования для современников, она была нацелена на перспективу, на ликвидацию правовых границ между имперским центром и окраинами. С этой реформы началось введение общероссийской системы управления в Закавказье. Мы солидарны здесь с позицией, высказанной в отношении реформы современными историками-кавказоведами Л.С. Гатаговой и Д.И. Исмаил-Заде: «Неизбежность этого вполне очевидна, ведь «слияние» окраин с метрополией было невозможно

без единой административно-политической системы в контексте имперской модели управления» [20].

Одним из главных аргументов сторонников версии о провале реформы 1840 г. являются факты широкого протеста против её реализации в начале 1840-х гг. В.Н. Иваненко отмечал: «Новое учреждение вызвало всеобщий ропот: жаловался народ, жаловались чиновники, жаловался и приходил в отчаяние сам Головин. Страшный формализм опутал всю правительственную систему – никто не смел подать просьбу даже уездному начальнику, минуя участкового заседателя. В Гурии вспыхнул бунт; в Осетии и Белоканах произошли волнения; повсюду появились разбойничьи шайки. Явный разбойник выходил из суда оправданным, по неимению формальных, предустановленных законом, доказательств. Народ как будто сговорился не выдавать своих преступников, прибегая к лжесвидетельству и к подкупу судей. Оправданных было приказано держать в тюрьмах, в явную насмешку над затейливой и тонко-придуманной судебной реформой» [21].

Наиболее показательной реакцией на новое Учреждение считается Гурийское восстание 1841 г. Поводом послужило введение в Гурии денежной системы обложения. Восстание, начавшееся 22 мая, скоро охватило всю Гурию. Крестьяне отказывались платить казённые подати. Повстанцы (более 7 тыс чел.) захватили все укрепленные места Гурии. 9 августа 1841 г. при деревне Гогорети они заставили отступить отряд полковника Брусилова [22]. В крае за исключением Озургети власть помещиков и чиновников фактически была ликвидирована и правление сосредоточилось в руках «Главного штаба» руководившего восстанием. Несмотря на эти успехи в конце сентября Гурийское восстание было подавлено силами кавказских войск и местных ополчений.

Исследователи, занимавшиеся изучением Гурийского восстания традиционно обличали колониальную политику царизма, национальный и

помещичий гнёт гурийцев, однако мало кто обращал внимание на результаты расследования, проведённого Е.А. Головиным после мятежа. В рапорте военному министру А.И. Чернышеву 26 октября 1841 г. Е.А. Головин сообщал, что «по окончании военных действий в Дагестане» он отправился «в Кутаис для личного обозрения дел по возникшим там беспорядкам» [23]. Командир Отдельного Кавказского корпуса установил, «что все крестьяне Саабекского участка Кутаисского уезда, раскаявшись в безрассудстве своём, не только внесли всю следующую с них в земскую повинность денежную сумму; но даже большая часть из виновных и самые подстрекатели к неповиновению, по призыву правительства, находятся ныне в составе Имеретинской милиции, собранной для наказания бунтующих Гурийцев» [24].

Е.А. Головин «вполне убедился, что возложенная на них денежная земская повинность нисколько не обременительна». Командующий приказал генерал-майору Каханову «не приступать уже к следствию, ибо производство следствия в настоящее время может возродить новые неудовольствия, а возвратиться в Тифлис» [25]. Наказание участников выступления было относительно мягким. Жителей Саабекского участка, пишет Е.А. Головин, заслуживших некоторым образом снисхождение к своему невежеству и неведению законов, я отставил от суда и следствия свободными, поручив Кутаисскому уездному начальнику внушить им, чтобы они впредь не осмеливались уклоняться от исполнения требования начальства и чтобы теперешний свой поступок загладили усердием» [26]. Лишь «главнейших виновников и подстрекателей Саабекского участка, крестьян Рамаза и Сехния Двалишвили, дерзнувших явиться вооружёнными к своему начальству, оказать земской власти послушание и участвовать в преступной богопротивной присяге, приказал я наказывать в своём селении каждого по сто ударов розгами и, водворив на прежнем месте жительства, внушить им и их односельцам, что подобных

беспорядков я не буду прощать, если они опять впадут в пагубное для них преступление. Собственно-же в Гурии жители ещё до моего прибытия в Кутаис, при движении наших войск к Озургетам, разошлись по своим селениям» [27].

Движение отряда князя Аргутинского в Гурии, сообщал Е.А. Головин военному министру 7 октября 1841 г., было «совершено благополучно, и не только без сопротивления жителей, но даже с некоторою помощью при разработке дорог, что было исполнено ими по первому приказанию» [28]. 17 октября 1841 г. графу Строганову Е.А. Головин писал: «Спокойствие между жителями водворилось; они обратились к своим занятиям и обязанностям, и земская власть возымела своё действие в надлежащей силе» [29]. Впоследствии Е.А. Головин утвердил приговор суда над участниками восстания, согласно которому 34 человека были приговорены, в зависимости от степени вины, к наказанию шпирутенами, направлению в арестантские роты и на каторжные работы в Сибирь, прочие были «освобождены от всякого наказания и отданы на поручительство» [30]. Если принять во внимание, что в мятеже принимали участие до 7 тыс. человек, а в результате нападений на русские укрепления и в стычках с войсками были жертвы со стороны солдат и казаков, мера наказания была сравнительно мягкой.

Не последнюю роль в восстании сыграл внешний фактор. Е.А. Головин сообщал военному министру 19 сентября 1841 г. на основании донесений генерала Коцебу: «О действительных причинах к восстанию распространились различные мнения. Не подлежит, однако-же, никакому сомнению, что к первоначальному непослушанию и рассеянию нелепых слухов дало повод введение нового порядка управления и сбора податей, коим воспользовались злонамеренные люди к ложному распространению видов правительства и к вредным внушениям о наборе рекрутском, о постепенном ежегодном увеличении подати и т.д. Партия этих людей

увеличилась освобождением по всемилостивейшему манифесту некоторых преступников. Нет сомнения также, что в подстрекательствах подобных участвовали и заграничные турки, а может статья, и другие иностранцы, ищущие возбудить беспокойства в Закавказских наших провинциях и тем более и более затруднить правительство» [31]. Под «другими» неназванными иностранцами подразумевались англичане. В Батуме сидел английский вице-консул Фридрих Гаррачино. Он помог получить повстанцам военное снаряжение и боеприпасы из Трапезунта. Грузинский советский историк Г. Хачапуридзе справедливо отмечал: «Благодаря именно этой помощи гурийские повстанцы оказались достаточно снабжены оружием, порохом, свинцом; поэтому они могли повести решительное наступление против регулярных русских войск, мегрельской и имеретинской милиции. Надежда на внешнюю иностранную помощь и наличие среди повстанцев турецких вооружённых лиц безусловно способствовали подъему настроения среди восставших и давали им веру в возможность выйти из борьбы победителями» [32].

Таким образом, протестное движение начала 1840-х нельзя связывать лишь с реформой Гана-Головина, здесь были задействованы многие внутренние и внешние факторы, осложнявшие интеграцию Закавказья в пространство Российской империи, процессы трансформации традиционных обществ в условиях неизбежной модернизации этой национальной окраины.

В 1842 г. император Николай I послал в Закавказье комиссию военного министра князя А.И. Чернышева и статс-секретаря М.П. Позена. В это время Е.А. Головин, М.П. Позен и А.И. Чернышев были завалены просьбами о расширении судебной власти полицейских начальников и об учреждении постоянных судов для решения споров и тяжб не по российским законам, а по местным обычаям. Уступая этим просьбам, А.И. Чернышев приказал уездным судам решать все тяжёлые дела на сумму до

200 руб. «без переноса на высшую инстанцию», а Е.А. Головину предложил заняться вопросом об учреждении словесных расправ по выбору жителей «для разбора по местным обычаям» [33] Комиссия после завершения поездки рекомендовала усовершенствовать систему управления краем. М.П. Позен в докладе императору пришёл к выводу, что народы, населяющие Закавказье, столь различны, что к ним не следовало применять однообразный порядок управления и суда. «Единство, – заключал М.П. Позен, – должно заключаться в единстве власти и в единстве цели, но отнюдь не в единстве средств, приводящих к той цели» [34]. В итоге Николай I обвинил П.В. Гана в обмане правительства: «Кроме Гана никто не видел и не знал местности. Одних, кто их знал, – Ермолова и Паскевича – тут не было. Ещё виню я и себя; но мне умели представить это в таком виде, что я вдался в обман» [35]. Косвенным образом это сказалось и на отзыве с Кавказа Е.А. Головина, хотя император принял во внимание значительный вклад Главноуправляющего в укреплении русского влияния в крае. В рескрипте 10 октября 1842 г. об увольнении Е.А. Головина «по расстроенному здоровью» Николай I отмечал: «Отдавая всегда справедливость вашим личным трудам и благонамеренности, Я с удовольствием слышал отзыв военного министра о том отличном усердии, с коим вы содействовали всеми зависевшими от вас средствами к успешному выполнению возложенного на него поручения в Закавказском крае. Мне приятно было также удостовериться, что во время вашего управления, войска Отдельного Кавказского Корпуса оказали значительные успехи в отношении внутреннего устройства и воинского образования; и что распоряжения, в последнее время по военной части сделанные, оправдали вполне основательность предпринятых мер и должны послужить к прочному утверждению спокойствия и порядка в тамошнем крае. Относя исполнение сего к попечительности вашей и постоянному стремлению довести все части одного сложного управления,

которое было вам вверено, до лучшего устройства, изъявляю вам особенное Моё благоволение» [36].

Сам Е.А. Головин поначалу почитал реформу 1840 г. «даром небес, ниспосланным для счастья Грузии» [37]. Однако, натолкнувшись на многочисленные жалобы и прямое сопротивление преобразованиям, он, в отличие от П.В. Гана, честно доносил в Петербург «о неудобствах нового устройства» [38]. При этом Е.А. Головин полагал, что эти «неудобства» «суть более общие для всего края, нежели местные для некоторых его частей; что неудобства сии не обнаруживались, однако, дотоле такими явлениями, которые бы требовали мер чрезвычайных, и что сущность их заключается в умножении числа чиновников, в ограничении власти полицейского разбора и в многосложности и неопределенности форм» [39].

После своего удаления с Кавказа Е.А. Головин позволял себе критические высказывания о реформе 1840 г. А.П. Ермолов писал в феврале 1846 г., что Е.А. Головин «был в знаменитую эпоху законодательства Гана, вспомоществовал ему и после разрушал его сотворение. Он резко доказывает нелепость их» [40]. Возможно, в перемену оценок реформы вмешались личные отношения. П.В. Ган, по свидетельству М.А. Корфа, стремился «сделаться не блюстителем над Головиным, а, с переменою фрака на военный мундир, полным его преемником <...> Прежнее пребывание его за Кавказом не обошлось и без разных неприятных личностей с Головиным: они при расставании окончились, правда, наружной мировой, но Головин никогда не мог забыть, что Ган отправлен был при нем в качестве пестуна, и вскоре после его отъезда, подстрекаемый еще и другими, явно поднял забрало» [41].

А.П. Ермолов считал, что своей постоянной опекой Петербург связывал руки Е.А. Головину. «Жаль бы мне было, – писал А.П. Ермолов М.С. Воронцову, – если бы ты думал, что о Головине позволяю я себе быть

невыгодного мнения. Я признаю в нём большим преимуществом то, что ему известны цели и намерения правительства, которое до твоего назначения полномочным представителем, руководило каждым действием бессильных твоих предместников» [42].

Многие его преобразования в Закавказье оценили по достоинству уже после того, как Евгений Александрович покинул край. В местной газете в 1846 г. отмечалось: «Тифлис шёл быстро вперёд <...> в управление Генерала Головина, он образовался совершенно Европейским городом. На пустырях везде стали строиться большие на Европейский лад дома, многие улицы покрылись мостовыми, тротуары спасли тысячи пешеходов от неудовольствия тонуть в грязи, бассейны с чистой горной водой появились во многих местах, магазины и лавки улучшились, и этот город с 52 тысячами жителей, с красивыми зданиями, с живописным местоположением, и наконец с оригинальной смесью Востока и Запада, стал одним из любопытнейших и обширнейших городов России. Генерал Головин, как истинно Русский сановник, любил жить по-барски, открыто, хлебосольно, в его доме собиралось всё лучшее здешнее общество и все принимались с тем радушием и приветливостью, которые невольно возбуждали во всех признательность и оставили по себе благодарное воспоминание» [43].

Таким образом, предварительный анализ деятельности Е.А. Головина в Закавказье не даёт повода для крайних негативных или идеализирующих Главноуправляющего оценок. Будучи русским патриотом и стремясь поначалу сделать Кавказ российским по духу и правовым институтам, Головин постепенно познавал местные особенности, и в конце своего управления регионом старался совместить метропольные традиции с окраинными. Вместе с модернизацией края менялся и сам командующий Отдельным Кавказским корпусом. Имперская бюрократическая система, в которой приходилось работать этому незаурядному государственному

деятелю и военачальнику, диктовала определённые нормы управления, которые оставляли мало места для творческого подхода к местной политике. Тем не менее, Е.А. Головину удалось оставить о себе память в Закавказье как о преобразователе, созидателе и устройте края, многие начинания которого были продолжены его наследниками – М.С. Воронцовым, А.И. Барятинским, Великим князем Михаилом Николаевичем и др.

Литература

1. Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / *Отв. ред. С.Г. Агаджанов, В.В. Трепавлов*. М., 1998. С. 261.
2. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею (АКАК): В 12 т. Тифлис, 1881. Т. VIII. № 58. С. 79.
3. Национальные окраины Российской империи. С. 262.
4. *Иваненко В.Н.* Гражданское управление Закавказьем от присоединения Грузии до наместничества Великого князя Михаила Николаевича. Исторический очерк. Составил по поручению Военно-исторического отдела В.Н. Иваненко // Утверждение русского владычества на Кавказе / *Под ред. В.А. Потто*. Тифлис, 1901. Т. XII. С. 292.
5. Там же. С. 293.
6. Там же. С. 296.
7. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2. Т. XV. Отд. 1. 1840. СПб, 1841. Ст. 13368. С. 237.
8. Там же. С. 239.
9. Там же.
10. Там же. С. 258.
11. Там же. С. 259.
12. АКАК. Т. IX. Тифлис, 1885. № 33. С. 30–31.
13. *Толстой Ю.В.* Очерк жизни и службы Е.А. Головина // *Девятнадцатый век. Исторический сборник, издаваемый Петром Бартеневым (издателем «Русского архива»)*. М., 1872. Кн. 1. С. 58.
14. *Корф М.А.* Записки / *Под ред. И. Захарова*. М., 2003. С. 330.
15. *Ружицкая И.В.* М.А. Корф и его дневник // *Корф М.А.* Дневник 1838 и 1839 гг. / *Под ред. И.В. Ружицкой*. М., 2010. С. 11.
16. *Корф М.А.* Дневник 1838 и 1839 гг. С. 446.
17. *Толстой Д.Н.* К биографии Е.А. Головина // *Русский архив*. М., 1872. № 10. С. 1956.
18. *Вейденбаум Е.Г.* Кавказские этюды / *Сост. и вст. ст. С.В. Болгачева*. Пятигорск, 2013. С. 337.
19. *Иваненко В.Н.* Указ. соч. С. 307.

20. Национальные окраины Российской империи. С. 264.
21. *Иваненко В.Н.* Указ. соч. С. 298.
22. *Хачапуридзе Г.* Гурийское восстание в 1841 году. Тбилиси, 1931. С. 57–58.
23. АКАК. Т. IX. Тифлис, 1885. № 204. С. 176.
24. Там же.
25. Там же.
26. Там же.
27. Там же.
28. Там же. № 205. С. 176.
29. Там же. № 206. С. 177.
30. *Хачапуридзе Г.* Указ. соч. С. 77.
31. Там же. № 202. С. 174.
32. *Хачапуридзе Г.* Указ. соч. С. 41.
33. *Иваненко В.Н.* Указ. соч. С. 309.
34. Цит. по: *Иваненко В.Н.* Указ. соч. С. 300.
35. *Корф М.А.* Записки. С. 338.
36. АКАК. Т. IX. № 47. С. 42.
37. *Ермолов А.П.* Кавказские письма 1816–1860 / *Сост., комент. Г.Г. Лисициной, Б.П. Миловидова.* СПб., 2014. С. 504.
38. *Корф М.А.* Записки. С. 332.
39. Там же.
40. *Ермолов А.П.* Указ. соч. С. 476.
41. *Корф М.А.* Записки. С. 329–330.
42. *Ермолов А.П.* Указ. соч. С. 476.
43. *Б.И.* Общественные увеселения в Тифлисе // *Кавказ.* 1846. № 2. 12 января. С. 1.

References

1. Nacional'nye okrainy Rossijskoj imperii: stanovlenie i razvitie sistemy upravlenija / Otv. red. S.G. Agadzhanov, V.V. Trepavlov. М., 1998. S. 261.
2. Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoj komissiej (AKAK): V 12 t. Tiflis, 1881. T. VIII. № 58. S. 79.
3. Nacional'nye okrainy Rossijskoj imperii. S. 262.
4. Ivanenko V.N. Grazhdanskoe upravlenie Zakavkaz'em ot prisoedinenija Gruzii do namestnichestva Velikogo knjazja Mihaila Nikolaevicha. Istoricheskij ocherk. Sostavil po porucheniju Voенно-istoricheskogo otdela V.N. Ivanenko // Utverzhdenie russkogo vladychestva na Kavkaze / Pod red. V.A. Potto. Tiflis, 1901. T. XII. S. 292.
5. Tam zhe. S. 293.
6. Tam zhe. S. 296.
7. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZRI). Sobr. 2. T. XV. Otd. 1. 1840. SPb, 1841. St. 13368. S. 237.
8. Tam zhe. S. 239.
9. Tam zhe.
10. Tam zhe. S. 258.
11. Tam zhe. S. 259.
12. АКАК. Т. IX. Tiflis, 1885. № 33. S. 30–31.

13. Tolstoj Ju.V. Oчерk zhizni i sluzhby E.A. Golovina // Devjattnadcatyj vek. Istoricheskij sbornik, izdavaemyj Petrom Bartenevym (izdatelem «Russkogo arhiva»). M., 1872. Kn. 1. S. 58.
14. Korf M.A. Zapiski / Pod red. I. Zaharova. M., 2003. S. 330.
15. Ruzhickaja I.V. M.A. Korf i ego dnevnik // Korf M.A. Dnevnik 1838 i 1839 gg. / Pod red. I.V. Ruzhickoj. M., 2010. S. 11.
16. Korf M.A. Dnevnik 1838 i 1839 gg. S. 446.
17. Tolstoj D.N. K biografii E.A. Golovina // Russkij arhiv. M., 1872. № 10. S. 1956.
18. Vejdenbaum E.G. Kavkazskie jetjudy / Sost. i vst. st. S.V. Bolgacheva. Pjatigorsk, 2013. S. 337.
19. Ivanenko V.N. Ukaz. soch. S. 307.
20. Nacional'nye okrainy Rossijskoj imperii. S. 264.
21. Ivanenko V.N. Ukaz. soch. S. 298.
22. Hachapuridze G. Gurijskoe vosstanie v 1841 godu. Tbilisi, 1931. S. 57–58.
23. AKAK. T. IX. Tiflis, 1885. № 204. S. 176.
24. Tam zhe.
25. Tam zhe.
26. Tam zhe.
27. Tam zhe.
28. Tam zhe. № 205. S. 176.
29. Tam zhe. № 206. S. 177.
30. Hachapuridze G. Ukaz. soch. S. 77.
31. Tam zhe. № 202. S. 174.
32. Hachapuridze G. Ukaz. soch. S. 41.
33. Ivanenko V.N. Ukaz. soch. S. 309.
34. Cit. po: Ivanenko V.N. Ukaz. soch. S. 300.
35. Korf M.A. Zapiski. S. 338.
36. AKAK. T. IX. № 47. S. 42.
37. Ermolov A.P. Kavkazskie pis'ma 1816–1860 / Sost., kooment. G.G. Lisicinoj, B.P. Milovidova. SPb., 2014. S. 504.
38. Korf M.A. Zapiski. S. 332.
39. Tam zhe.
40. Ermolov A.P. Ukaz. soch. S. 476.
41. Korf M.A. Zapiski. S. 329–330.
42. Ermolov A.P. Ukaz. soch. S. 476.
43. ##.I. Obshhestvennye uveselenija v Tiflise // Kavkaz. 1846. № 2. 12 janvarja. S. 1.